

автор не раскрыт; в комментарии приведена запись из редакционной книги: «За повесть „Темные углы“ получил В. Стрельников» и дано пояснение: «Повесть рассказана от лица женщины. Подписанные под ней инициалы не соответствуют инициалам получателя» (с. 267). Каких-либо сведений об А. С. Чичаговой нам обнаружить не удалось.

В росписи Быкова немало неверных или спорных атрибуций. Так, статья «Гадательные книжки и снотолкователи» (Время, 1861, № 2) приписана им А. П. Милюкову (л. 10 об.), В. С. Нечаева автором предположительно назвала А. Н. Майкова (с. 235); автором статьи «Мормонизм и Соединенные Штаты» (1861, № 10) назван Н. Н. Страхов (л. 11 и 18), В. С. Нечаевой автор не раскрыт (с. 241). Среди публикаций Ф. М. Достоевского Быков называет и рецензию на «Стихотворения» А. Н. Плещеева (1861, № 4) (л. 4), которая принадлежала, как свидетельствует Плещеев, М. М. Достоевскому (с. 236). Наконец, у Быкова отсутствуют сведения о публикациях А. У. Порецкого и А. Е. Разина (приведены только их фамилии; см. л. 14 об. и 15 об.).

Чем объяснить известную информированность Быкова в редакционных делах братьев Достоевских, трудно сказать. Несомненно одно: к числу сотрудников «Времени» Быков не принадлежал, и если и посетил редакцию, то с неким произведением (или переводом), оставшимся неопубликованным. Об этом свидетельствует выполненная им и сохранившаяся роспись содержания журналов «Время» и «Эпоха».

А. А Н Д О

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕТРА ВЕРХОВЕНСКОГО («БЕСЫ»)

Изучению творческой истории «Бесов» посвящено немало работ.¹ В них в центре внимания исследователей находился прежде всего «настоящий герой романа» — Ставрогин. Но в последние десять лет появился серьезный интерес и к другому персону

¹ См.: Спор о Бакунине и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. Л., 1926; Боровой А., *Отверженный Н. Миф о Бакунине*. М., 1925; Бем А. Л. Эволюция образа Ставрогина. — В кн.: О Dostojevském. Praha, 1972, s. 84—130; Гроссман Л. П. Политический роман Достоевского. — В кн.: *Достоевский Ф. М. Бесы*. М.; Л., 1935, т. 1, с. XIII—LXXX; Записные тетради Ф. М. Достоевского / Подгот. к печати Е. Н. Коншиной. М.; Л., 1935 (далее: *Коншина*); Мочульский К. Достоевский. Paris, 1947 (далее: *Мочульский*); Евнин Ф. Е. Роман «Бесы». — В кн.: Творчество Ф. М. Достоевского. М., 1959, с. 215—264; Гроссман Л. П. Достоевский. 2-е изд. М., 1965; *Dostoevsky Fyodor. The Notebooks for «The Possessed»* / Ed. and with Introd. by E. Wasiolek; Transl. by V. Terras. Chicago; London, 1968; Туниманов В. А. Рассказчик в «Бесах» Достоевского. — В кн.: Исследования по поэтике и стилистике. Л., 1972, с. 87—162 (далее: *Туниманов*); Буданова Н. Ф. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы». —

нажу «Бесов» — Петру Верховенскому. И это вполне закономерно.²

В академическом Полном собрании сочинений опубликованы подготовительные материалы к «Бесам», впервые установлена их хронология. Это дает возможность воссоздать подробности творческой истории романа, и в частности процесс становления образа Петра Верховенского. На наш взгляд, развитие образа Нечаева (Петра Верховенского в окончательной редакции) занимает не менее значительное место в предыстории «Бесов», чем судьба Князя (Ставрогина) и Грановского (Степана Трифимовича). Думается, что в работе над образом Нечаева ярко выражается стремление романиста всесторонне осмыслить «новейший радикализм».

В этой связи мы обращаем особое внимание на набросок «О Нечаеве» (11, 106—107) — один из самых обстоятельных черновых материалов к образу будущего Петра Верховенского. Здесь автор отмечает редкую способность героя к действию. Романист не столько морально осуждает Верховенского, сколько досконально раскрывает его натуру.

Набросок нелегко поддается датировке. В Полном собрании сочинений он отнесен к последним числам февраля 1870 г. — самой ранней стадии работы писателя. Однако нам кажется, что характеристика героя в наброске отличается от образа Нечаева (Студента) в февральских записях и близка к характеристике его в более поздних планах. Попробуем наше предположение обосновать.

1

В конце 1869 г. Достоевский приступил к работе над романом. Заказанный журналом «Русский вестник» роман писался медленно: первые главы были напечатаны в январе 1871 г., последние появились в самом конце следующего года.

Работа над будущими «Бесами» в первое полугодие (весна — лето 1870 г.) была особенно сложна. За это время совершилась «творческая революция»: в февральских записях к роману на первый план поставлены были Грановский и Нечаев, в августе же центральным персонажем стал Ставрогин. Об этом романист сообщает Страхову 21 (9) октября 1870 г.:³ «Потом летом опять пе-

В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. т. 1, с. 164—188; Назиров Р. Г. Петр Верховенский как эстет. — Вопр. лит., 1979, № 10, с. 234—248 (далее: Назиров); Карякин Ю. Ф. Зачем Хроникер в «Бесах»? — Лит. обозрение, 1981, № 4, с. 72—84 (далее: Карякин).

² В последние годы мы видели разные страшные выступления «ультра-радикалов» мирового масштаба. В каждом из таких случаев нам приходилось заново вдумываться в роман Достоевского. В наше время проблематика романа актуальна, как никогда. См. об этом: Назиров, с. 248—249; Карякин, с. 72—73; Латиноамериканский роман и советская многонациональная литература («круглый стол»). — Латинская Америка, 1983, № 3, с. 90—92.

³ Здесь и далее мы ставим даты по новому стилю и в нужных местах добавляем даты по старому стилю.

ремена: выступило еще новое лицо, с претензией на настоящего героя романа, так что прежний герой (лицо любопытное, но действительно не стоящее имени героя) стал на второй план» (П., II, 294).

Вместе с тем изменилась общая тональность романа: тенденциозный «роман-памфлет» слился с частью замысла «Жития Великого грешника» и превратился в «роман-трагедию с более широкой панорамой духовной жизни России».⁴

О новом главном герое и изменении общего замысла в ходе работы писателя было много написано. А. Бем посвятил специальную работу проблеме эволюции образа Ставрогина. К. Мочульский обратился к вопросу «творческой революции» в ходе работы над романом. Он пишет: «Из письма к Каткову (8 октября 1870 г.) мы заключаем, что „творческая революция“ была вызвана неожиданным возникновением *Ставрогина* и снижением прежнего героя, *Петра Верховенского*. <...> Достоевский не открывает перед редактором „Русского вестника“ пережитой им драмы <...>. В действительности, драма именно заключалась в том, что первоначально автор соблазнился идеей романа-памфлета с главным героем Нечаевым—Верховенским. В этом была его „ошибка“, и из-за этого ему пришлось уничтожить „работу целого года“. В новой редакции Петр Верховенский отведен на второй план, как лицо полукомическое, а в центре поставлен подлинно-трагический герой — Ставрогин».⁵

Однако нам кажется, что оба исследователя упрощают ход работы автора, видят лишь одну ее сторону. Ведь важна не только эволюция образа Ставрогина, но и метаморфоза будущего Петра Верховенского.

По поводу романа Достоевский пишет в упомянутом Мочульским письме: «Одним из числа крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова» (П., II, 288).

Первым «источником» и главным прототипом образа Петра Верховенского и был Сергей Нечаев, организатор тайного общества «Народная расправа», вместе с другими членами «пятерки» убивший члена общества, студента Иванова.

Однако в названном письме автор продолжает: «Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет. Да если б и

⁴ Февральский замысел романа отличается тенденциозностью, явной неприязнью писателя к «нигилистам» и «западникам». Достоевский писал Н. Н. Страхову 5 апреля (24 марта) 1870 г.: «...хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность <...> пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь» (П., II, 257). См. также письмо к А. Н. Майкову от 6 апреля (25 марта) 1870 г. (там же, 262). О новом «главном лице романа» автор пишет Каткову 20 (8) октября 1870 г.: «Это другое лицо (Николай Ставрогин) — тоже мрачное лицо, тоже злодей. Но мне кажется, что это лицо — трагическое» (там же, 288—289).

⁵ Мочульский, с. 333—334.

знал, то не стал бы копировать. Я только беру совершившийся факт. Моя фантазия может в высшей степени разниться с бывшей действительностью и мой Петр Верховенский может несколько не походить на Нечаева» (П., II, 288).

Нас как раз и интересует, чем отличается Нечаев Достоевского от исторического Нечаева и, в особенности, как совершалась метаморфоза в развитии этого образа, которая имела место в первое полугодие работы над романом.

Для художественного воспроизведения образа «нового радикала» Достоевский обращался не только к действительности, но и к предшествующим опытам в литературе. В частности, «вторым источником» при создании фигуры Нечаева был Базаров, центральный персонаж романа Тургенева. И в данном образе Нечаева мы можем четко различить два облика, соответствующие указанным двум «источникам»: в политической интриге Студент выступает в роли заговорщика «Нечаева», а в светском обществе и в спорах с отцом — как нигилист.

На первой стадии работы автор занимался по преимуществу разработкой «второго облика» героя, так как «первый облик» — «заговорщика», взятый в основном из газет, не требовал серьезной переработки.

Сущность метаморфозы образа с февраля по август 1870 г. — в изменении «второй характеристики» героя: «нигилист» вроде Базарова обращается в «обманщика-самозванца», уподобляется Хлестакову. Об этом автор сообщает Каткову: «К собственному моему удивлению, это лицо наполовину выходит у меня лицом комическим» (П., II, 288). В записной же тетради он пишет: «... всё по-прежнему, только выход хлестаковский» (11, 202).

В августовских планах основная часть фабулы и интриг, связанных с Нечаевым, остается неизменной, но при этом подчеркивается его «хлестаковское» появление в городе и быстрый успех в обществе.⁶ По новому замыслу, в первой части романа, подобно Хлестакову, герой выглядит «мизерно, пошло и гадко». Но в развитии интриги ему предназначен большой успех — он становится «царем» в глазах окружающих, что и составляет часть хлестаковской линии сюжета.⁷

⁶ Об образе Нечаева в августовских записях см.: «Приезд сына Степана Трофимовича (вроде Хлестакова — какие-нибудь гадкие, мелкие и смешные истории в городе). Его считают за ничто. Наконец он объявляет себя. В глазах их — царь. А первая часть — ничтожная и идиотская тварь»; «Между тем в городе, вроде Хлестакова, сын Степана Трофимовича. Мизерно, пошло и гадко <...>. Он расстраивает брак Степана Трофимовича, способствует клевете, маленькие комические скандалчики <...>, всё по-прежнему, только выход хлестаковский», «Хлестаков же из комичного всё вырастает в лицо» (11, 200, 202, 203).

⁷ По поводу «хлестаковского сюжета» в романе Р. Назиров верно пишет: «Но главное сходство с „Ревизором“ в том, что Петра Степановича принимают не за того, кто он есть <...> Мотив самозванства имеет в „Бесах“ первостепенное значение. Нечаевец Успенский показал на суде, что С. Г. Нечаев представился подпольщикам как „ревизор от Женевского ко-

В сравнениях Нечаева с Базаровым и с Хлестаковым Н. Ф. Буданова усматривает равно тенденцию к снижению и опошлению персонажа (см.: 12, 174). Однако, на наш взгляд, дело обстоит сложнее. Думается, мы можем говорить о развитии за эти месяцы образа от «Нечаева-Базарова» к «Нечаеву-Хлестакову».

Здесь необходимо вернуться к проблеме «замены» главного героя романа. По мнению Мочульского, Нечаев — это «прежний герой», главное лицо первоначального замысла романа — «романа-памфлета»; после «творческой революции», в результате возвышения Ставрогина, он становится лицом второстепенным. Но тщательное изучение подготовительных материалов свидетельствует, что для воплощения авторского замысла Ставрогин и Нечаев были одинаково важны.

В февральских планах внимание автора преимущественно занимает не один Нечаев, но наравне с ним и Грановский.⁸ В августе же Грановский был отодвинут на второй план.⁹ Вместе с тем роль Нечаева как нигилиста, которая разыгрывается в основном в его отношениях с отцом, присутствует лишь на заднем плане. Но ему дана, как уже было сказано, и иная роль — «обманщика-самозванца»: под маской «Хлестакова» он подготавливает в городе почву для успеха заговора.

Более того, в августовских планах в число задуманных Нечаевым злодейств включается убийство не только Шатова, но и Хромоножки. Ее же убийство вызывает самоубийство Ставрогина. Стало быть, действия Нечаева оказывают решающее влияние на судьбу главного героя романа.

Подобные наброски развития сюжета встречаются и в более поздних планах: «Князя с Нечаевым связывают взаимность тайн случайная» (11, 260). «Важнейшее поэтому для романа — отношения Нечаева и Князя» (11, 279).¹⁰

митета"; это появилось в газетах 4 июля 1871 года, а Достоевский уже в 1870 году планировал „хлестаковское появление“ Нечаева. Мотив самозванства в „Бесах“ (Верховский — ревизор, Ставрогин — Отрепьев) одновременно исходит от самой действительности, от подложных мандатов Нечаева, и от литературы, от „Бориса Годунова“ и „Ревизора“. Петр Степанович не только сам самозванец, „ревизор“ от высшей полиции или от заграничного революционного центра, но и на заседаниях кружка он всегда сажает молчаливого человека с блокнотом в ампула ревизора, а из Ставрогина хочет сделать Ивана-царевича, самозванца в русском стиле. Настойчивым повторением этого мотива Достоевский внушает нам мысль о том, что нечаевщина — это кровавая хлестаковщина» (Назирова, с. 239).

⁸ См.: «Роман имеет вид поэмы о том, как хотел жениться и не женился Грановский», «Грановский и сын на первом плане <...>. Но главное — на первом плане Грановский и сын» (11, 92, 123).

⁹ См.: «Степан Трофимович как постороннее комическое лицо»; «У нас затишье. Степан Трофимович решительно на 2-й план» (11, 200, 224—225).

¹⁰ По поводу изменения соотношения двух героев в ходе работы писателя В. Туниманов справедливо замечает: «Выдвижение и возвышение Ставрогина неумолимо влекло приращение первой фигуры памфлета — Петра Верховенского <...>. Возникла необходимость восстановления пропорций. В дальнейшем линия Ставрогина, так мощно заявленная в первой

Создавая образ новейшего радикала, Достоевский брал в качестве отправной точки проблематику «Отцов и детей», видимо, с тем, чтобы показать одновременно как преемственность, так и столкновение двух поколений. Однако за прошедшее десятилетие после появления романа Тургенева в развитии русского общества совершились огромные перемены. Появилось новое поколение «нигилистов». Образ нигилиста, созданный Тургеневым, не мог больше служить писателю моделью для воспроизведения в романе типа «новейшего радикала».

Уже в начале работы, когда автор планировал параллель «Нечаев—Базаров», писатель обращал внимание на различие между «старым» и «новейшим» нигилистами.¹¹ В февральских записях 1870 г. романист представляет своего героя как «нового Базарова», во многом отличающегося от тургеневского персонажа. От Студента люди ожидают не только каких-нибудь пылких, вызывающих, эксцентричных выступлений, но также и ума и других «базаровских» достоинств. Однако против их ожидания он выглядит бестактным дураком: у него нет ни остроумия, ни духовной красоты тургеневского героя.

«Княгиня слыхала о нигилистах и видала (Писарев), но ей хотелось Базарова, и не для того, чтобы спорить или обращать того, а для того, чтоб из его же уст послушать его суждений (об искусстве, о дружбе) и поглядеть, как он будет ломаться à la Базаров.

Студент удирает, напротив, такую штуку, что выставляется самую равнодушною, спокойною и неподымчивою посредственностью» (11, 71). «Студент» вначале является таким маленьким, невыдающимся, молчащим, что Гр^{ановский} говорит жене с грустью, что он не выдумал пороку» (11, 72).

части романа, снижается и одновременно несколько возвышается линия Петра Верховенского «...» Незаурядный и загадочный Ставрогин порой низводится до низменной обыденности, а не претендующий на „высшие запросы духа“ бес-нигилист, освобождаясь от комически-пародийного, поднимается до поэтических и идеологических высот. Ставрогин во многом так и не достиг положения главного героя, ограничившись лишь „претензией“ на это, а функции Петра Степановича не застыли на уровне аксессуара и фона Ставрогина — в некоторых сценах, напротив, Ставрогин превращается в аксессуар Верховенского, переросшего предназначавшуюся ему одно время второстепенную роль» (Туниманов, с. 93—94). Подводя итог, он пишет: «Петр Верховенский — ведущий герой интриги и первый „деятель“ романа» (там же, с. 140).

¹¹ В начале февраля 1870 г. автор записывает в тетрадь критический отзыв Студента о тургеневском герое: «Базаров написан человеком сороковых годов и без ломания, а стало быть, без нарушения правды человек сороковых годов не мог написать Базарова.

— Чем же он изломан?

— На пьедестал поставлен, тем и изломан» (11, 72). По мнению Студента, Тургенев изображает Базарова в слишком романтических красках, а потому не улавливает истинного облика «нового поколения» — «нигилистов». Но здесь же можно увидеть и отражение авторского представления о преемстве двух поколений «нигилистов».

Далее оказывается, что герой только в начале романа носит маску «дурака», под конец же сбрасывает ее.

«После первого появления Студента, когда отец, сводив его к Княгине, убедился, что сын пороха не выдумал, — после этого идет прямо вся история Князя и сестры Шатова и об самом Шатове <...>. Потом же вдруг он выводится, и происходит начало финала и быстрый финал» (11, 77).

Наброшенный здесь план введения в действие образа Студента — его «мизерное» появление и внезапное «вырастание» — включает в себе зародыш дальнейшего развития, в результате которого герой станет «обманщиком-самозванцем», чем-то вроде Хлестакова, хотя и зловещего.

Главную характерную черту, отличающую Нечаева от тургеневского персонажа, составляет «глупость». О «глупости» героя есть много упоминаний в записях, относящихся к разным периодам. Приведем несколько примеров.

В раннем февральском наброске 1870 г. Нечаев представляется «глупым» в том смысле, что не знает русской действительности: «Говоря об народе, обнаруживает вдруг в одном пункте вопиющее и странное (непременно странное и чтоб в глаза било чудовищностью) невежество и неведение» (11, 77). Но заслуживает внимания то, что в наброске говорится и о его «практицизме», о принципе «разрушения для разрушения», «действия для действия». Нечаев говорит о себе: «Я делаю дело, потому что надо делать. С этого (с разрушения), естественно, всякое дело должно начаться; я это знаю, а потому и начинаю. До конца мне дела нет, а знаю, что пачинать нужно с этого, а прочее всё болтовня, и только растлевают, и время берет» (11, 78).

В другом февральском наброске «глупость» героя непосредственно связывается с его «деловитостью»: «Что же касается до Шатова, то это вовсе тоже не человек дела, а только болтун. Он сам знает это, но деловитость Нечаева тоже презирает, ибо она основана только на глупости и на совершенном незнании дела, на незнакомстве с действительностью» (11, 98).

В февральских записях «глупость» Нечаева стоит в центре общей его характеристики, причем тон насмешки и презрения доминирует. В этом проявляется «тенденциозность» первоначального замысла романа. В июльских записях 1870 г. еще раз, только в другом контексте, говорится о соединении «глупости» и «деловитости» в характере героя: «Пожар имеет потрясающее влияние на Красавицу. После пожара-то она и впадает как бы в безумие и переходит к Картузову <...> Она еще до бегства и до смерти Шатова жалуется Князю, что Нечаев глуп <...> Красавица говорит: „Нечаев глуп. Я, знаете, всё ждала, потому что убедилась, что глупый-то и сделает. Умные только скитаются, а чтобы быть деятелем, надо быть непременно хоть с одной какой-нибудь стороны дураком“» (11, 197).

Здесь речь идет о злодействах Нечаева. Красавица (Лиза Тушина) по-своему угадала сущность Нечаева, ожидала от него

страшных дел. Другими словами: в центре внимания говорящего стоят не только «глупость», но и «деловитость», вместе переходящие в способность героя к злодеянию.¹²

И наконец, в наброске второй половины сентября 1870 г. в герое подчеркивается как главная черта исключительная «сила» в действиях: «Нечаев глуп, как *старшая княжна* у Безухова. Но вся сила его в том, что он человек действия» (11, 237). Вспомним, что в августовских планах 1870 г. особо отмечаются «хлестаковское появление» и «быстрое вырастание» Нечаева, которые свидетельствуют о его «практицизме» и «деловитости». Думается, что приведенная запись говорит о том же.

Следует отметить, что в ходе работы над образом героя соотношение в нем «глупости» и «деловитости» изменялось.

В февральских записях, противопоставляя «ум» и «глупость» Нечаева, автор подчеркивал последнее как его главный недостаток.¹³ Его «деловитость», по мнению Шатова, — признак «глупости». Но в позднейшей характеристике героя появляется иное соотношение названных черт. Например, в весенней заметке 1871 г. автор пишет:

«Вся обстановка и весь ход Нечаева в том, что читателю совсем ничего не видно сначала, кроме несколько шутовских и странных характеристических черт.

Не делать, как другие романисты, т. е. с самого начала затрубить о нем, что вот это человек необычайный. Напротив, скрывать его и открывать лишь постепенно сильными художест-

¹² На левом поле этой же страницы мы читаем: «Кто очень умен, тот никогда деловым человеком не будет» (11, 197). В этой заметке можно отметить определенную связь с высказыванием героя «Записок из подполья»: «Да-с, умный человек девятнадцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель, — существом по преимуществу ограниченным» (5, 100). Сопоставление «умного теоретика-мыслителя» с «глупым деятелем» — не новая тема для Достоевского, да и для всей русской литературы. Достаточно в этой связи вспомнить этюд Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», в котором автор противопоставляет «принцип анализа», доведенный в Гамлете до трагизма, «принципу энтузиазма», доведенному в Дон Кихоте до комизма (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч. 2-е изд., доп. М., 1980, т. 5, с. 346). Думается, что не случайно Достоевский называет в романе своих героев теми же словами, которыми Тургенев характеризовал Гамлета и Дон-Кихота, а именно: Ставрогина — «аристократом»; Петра Верховенского — «энтузиастом» (там же, с. 333, 337; ср.: 10, 193, 323). Примечательно также, что Тургенев в своей речи связывает Фурье с Дон-Кихотом и называет «людей, призванных на великое новое дело», «смешными Дон-Кихотами», «чудаками-изобретателями», благодаря которым подвигалось вперед человечество (Тургенев И. С. Соч., т. 5, с. 345—346).

¹³ См.: «Вопрос о Студенте: хитер он или не хитер? Будет хитер, но теперь не хитер, больше молод. Только случай и наша среда помогли». «Студент до того был неспособен на дальновидную интригу, что он хоть и догадался, что так отводить глаза будет ему полезно, но до того презирал всех, что не брал особенных предосторожностей и сделал множество промахов (описать их, эти промахи) <...> Студент неглуп, но мешают ему, главное, презрение и высокомерие нигилистическое к людям. Знать действительности он не хочет» (11, 96, 97).

венными чертами (например, разницей между его умом и хитростью и совершенным незнанием действительности)» (11, 264—265).

В результате долгой работы автор пришел к более ясному пониманию сущности своего героя, которая в интриге романа выражается в его «хитрости» («деловитости»), а та, в свою очередь, свидетельствует не только о его «глупости», но и о его «уме», хотя и своеобразном, граничащем с хитростью. Нечаев, с одной стороны, глупый «деятель», и вначале читатель должен познакомиться именно с этой его «глупостью». Но с другой стороны, он по-своему умен, способен под маской «дурака» завоевывать себе авторитет в городе, а также устроить заговор. Такое «двойное» построение характеристики персонажа служит писателю средством изображения Нечаева «деятелем-заговорщиком».¹⁴ И наконец, на последнем этапе работы, осенью 1872 г., автор специально подчеркивает не «глупость», но «ум», практические способности младшего Верховенского.

«Необыкновенный по уму человек, но легкомыслие, беспрерывные промахи даже в том, что бы он мог знать. Обидчивость и невыдержанность характера.

Если б он был с литературным талантом, то был бы не ниже никого из наших великих критиков-руководителей начала шестидесятых годов. Он писал бы, конечно, другое, чем они, но эффект произвел бы тот же самый. Разумеется, я тут ни слова про нравственность. И не применяю, о нравственности я пока не сужу. Я только про ум и способности» (11, 303).

Ссылаясь на приведенный набросок, Е. Коншина отметила перемену в отношении писателя к Нечаеву на последнем этапе работы.¹⁵ Однако, на наш взгляд, такая перемена предвещается еще в августовских планах 1870 г.: в них намечен контраст «мизерного появления и быстрого успеха», показываются «практицизм» и «деловитость» («ум» и «хитрость») героя. Его «глупость» служит всего лишь начальным поводом к развитию интриги.

Повторяем: летом 1870 г. образ Нечаева существенно отличается от тургеневского персонажа, который остается для До-

¹⁴ Мы находим раннюю вариацию указанного плана изображения Нечаева еще в весенних и летних набросках 1870 г. В феврале: «Про Нечаева не объяснять, кто он такой, — пожалуй, хоть до 3-й части. Так; сын Гривовского. Даже в недоумение поставить читателя» (11, 128). В начале романа герой должен был изображаться в облике «нового Базарова», т. е. в отношении к отцу, а его подлинное лицо — облик «заговорщика» — должно было обнаруживаться только во второй половине романа. В августовских же записях мы читаем: «Про Нечаева: у Нечаева две роли, 2-ю я, Хроникер, совершенно не знаю и не выставляю (не знаю, например, что было у него с Липутиным, с Шатовым, и не выставляю, но знаю о заседании и привожу)» (11, 213). Сначала Хроникер сообщает только о «первой роли» героя — его открытых, публичных действиях. В сцене же «заседания» заговорщиков читатель впервые видит его во «второй роли» — «заговорщика».

¹⁵ См.: Коншина, с. 28—29.

стоевского «теоретиком» и в этом смысле «болтуном».¹⁶ Вместе с тем отличается он и от раннего образа героя — Студента, который появляется в романе в облике «дурака». Думается, что во всем этом отражается ход развития взгляда романиста на «нового радикала» в процессе работы над романом.

2

Перейдем теперь к другому повороту базаровской темы у Достоевского. В весенних записях 1870 г. встречается много упоминаний о «любобной истории» Нечаева.¹⁷ Например: «С приездом Красавицы и проявляется романтическая струя характера Студента. Он совершенно от нее отказывается. Отказывается и оскорбленный Князь. Избил Студента до синяков. Он давно уже знает, что Красавица его любит и ревнует его.

В (ИСТОРИЮ КРАСАВИЦЫ И СТУДЕНТА РАЗВИТЬ)» (11, 77).

В подобном сюжетном повороте закреплён важный момент отклонения героя от его «предшественника» Базарова. Нетрудно увидеть, что история Нечаева в корне отличается от базаровской: в истории Базарова и Одинцовой налицо искреннее чувство с обеих сторон, в чем и обнаруживается человеческое в Базарове; между Нечаевым же и Красавицей взаимного чувства нет. «Красавица и Студент — оба бесчеловечны и безжалостны как к родным, так даже и друг к другу» (11, 92). У них только сознательный или бессознательный расчет: кокетничанье Красавицы с Нечаевым — не более, чем отражение ее «любви-ненависти» к Князю. Нечаев же пользуется ее кокетством для своей цели. «Когда Красавица убежала к Капитану и в городе заварился скандал, все думают, что Нечаев жениться хочет <...> Но Нечаев остается равнодушен, <...> если он не затем оставался, чтоб сынтриговать и жениться, то зачем же? Но Нечаев сначала отнекивался, а потом <...>, спохватившись, что похищением Красавицы он всем отводит глаза от настоящей цели, — он стал сам это поддерживать» (11, 96).

В «любобной истории» Нечаева мы находим не только примету отклонения от базаровской темы, но и зародыш «хлестаковского сюжета»: «Когда Грановский, много раз повторив, что

¹⁶ Противопоставляя базаровской теоретичности практицизм Нечаева, Н. Будапова верно пишет: «Подобно тому как Грановский был в представлении Страхова и Достоевского „чистым“ западником по сравнению со своими последователями, Базаров по сравнению со Студентом своеобразный „чистый“ нигилист: он разрушает лишь в теории. Студент же обращает нигилистическую теорию 1860-х годов в беспощадную практику всеобщего разрушения и уничтожения» (12, 174). На наш взгляд, именно для убедительного изображения «практичности» Нечаева введен был «хлестаковский сюжет» в августовские планы 1870 г.

¹⁷ Кроме далее приведенных страниц см.: 11, 73, 77, 81—82, 84, 89—92, 96—97, 114, 118, 123, 127, 140, 173—174. Достоевским данный сюжет был оставлен еще до лета 1870 г.

„сын мой пороку не выдумал“, услышал, что его отличает Красавица и что Княгиня нарочно устроила обед, чтоб позвать Грановского с Студентом и свести с Красавицей, то Грановский начал удивляться и как бы ревновать» (11, 74).

Грановский считал своего сына дураком, но неожиданно для него тот вскоре снискал расположение Красавицы, а также Княгини, и быстро добился большого успеха в обществе: «Грановский не узнает себя в сыне. Нигилизм меж тем охватывает город <...>. А сын выигрывает место везде в городе, и тут же кстати в круг ввести и Красавицу» (11, 123).

Действия Нечаева как «нигилиста» сначала разворачиваются в узких рамках конфликта с отцом. Далее любовная история с Красавицей приносит ему «успех в обществе», вызывает «скандал в городе».

Итак, можно предположить, что указанный сюжет способствовал расширению круга действий героя и тем самым — развитию характеристики будущего Петра Верховенского в направлении, которое вело к августовским планам. Кроме того, «любовная история» Нечаева имеет, возможно, связь с историей Печорина. Еще в «Записках из подполья» Достоевский обращался к печоринской теме: в истории неудачной любви «подпольного героя» он по-своему перерабатывал способ «игры» Печорина в любовь.¹⁸

В «Бесах» автор, вероятно, еще раз хотел воспользоваться той же темой: в последних февральских записях 1870 г. Нечаев сравнивается с героем Лермонтова.

«СТУДЕНТ В ФОРМЕ „ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“» (11, 115). «И потом всё связать с сыном и с отношениями Грановского к сыну (всё от него — как от «Героя нашего времени»)» (11, 115).

В заметках этих запечатлено, во-первых, намерение писателя представить своего героя в облике загадочного любовника, сблизив его с Печориным. В отношениях двух героев к женщинам отмечается некоторое внешнее сходство, хотя и несомненно, что психология их глубоко различна. Печорин хладнокровен: в жизни его много встреч с женщинами, но ни к одной он не обнаруживает настоящей нежности; его интересует любовный поединок сам по себе. Нечаев же хладнокровен, но причина его холодности другая: он и в любви ищет только пользы для успеха заговора.

Приведенные записи свидетельствуют о попытке писателя в определенный момент творческой истории «Бесов» поставить Нечаева в центр всего действия. В лермонтовском романе в центре пяти новелл стоит один персонаж — Печорин. Его личность соединяет отдельные новеллы в органическое целое. Подобно

¹⁸ Об истории художественной переработки печоринской темы у Достоевского см.: *Левин В. И.* Достоевский, «подпольный парадоксалист» и Лермонтов. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, вып. 2, с. 142—156.

этому «история» в романе Достоевского, по первоначальному замыслу, должна была развиваться вокруг заговора Нечаева. В дальнейшем Достоевский отказывается от мысли представить Нечаева любовником, новым Печориным. Начиная с апрельской заметки главным героем становится Ставрогин.¹⁹ Теперь все в романе «движется около него, как калейдоскоп» (11, 136). И именно он превращается в демоническое лицо, подобное Печорину.²⁰ Тем не менее это не значит, что Нечаев отныне становится второстепенным лицом: он продолжает играть в развитии действия весьма важную роль. В последних июньских записях автор отмечает: «После пожара уже настоящее торжество „новых идей“, и Нечаев окончательно входит в моду. Князь обворожил и Нечаева» (11, 176).

Здесь имеется в виду неосуществленный замысел «торжества» Ставрогина.²¹ С ним связывается и успех Нечаева: он «входит в моду» наравне со Ставрогиным. В таком повороте сюжета мы можем увидеть развитие зародыша «хлестаковского сюжета»: в августовских планах Нечаев вырастает из ничтожного существа в «царя в глазах людей».

Значительно позже, уже летом 1871 г., автор, как мы отмечали выше, снова возвращается к мысли отвести Нечаеву в романе место рядом с Ставрогиным. «Итак, всё в лице Нечаева <...> Важнейшее поэтому для романа — отношения Нечаева и Князя» (11, 279).

3

Вернемся к вопросу о датировке наброска «О Нечаеве».²²

Как мы уже говорили, указанная датировка кажется нам спорной. Поводом для сомнений служит прежде всего предположение Н. Ф. Будановой о порядке записей в тетрадах II и III: при подготовке текстов к изданию набросок «О Нечаеве», хотя он находится в тетради III, помещен среди набросков из тетради II.²³

Тетрадь II автор заполнял большей частью в хронологическом порядке. Тетрадь же III заполнялась с точки зрения хронологической последовательности текстов — хаотично. Поэтому хронологию записей в ней установить трудно.

¹⁹ В наброске от 10 апреля (29 марта) 1870 г. мы читаем: «Итак, весь пафос романа в князе, он герой» (11, 136).

²⁰ В летних записях 1870 г. Ставрогин в свою очередь сравнивается с Печориным: «Князь, приехав, ни слова с Воспитанницей. По письму Степана Трофимовича он догадался (*про себя*), что та влюбилась, и, приехав, нарочно, по-печорински, не заговаривает с ней» (11, 214).

²¹ Беглое упоминание об активной деятельности Ставрогина после убийства Шатова встречается еще в февральских записях (11, 125). В заметке от конца мая — начала июня подробнее набрасывается его окончательное «торжество»: после убийства Шатова Князь вдруг объявляет себя и становится «героем» города, раскрывает преступников и произносит горячую речь о «новых идеях» (11, 150—151).

²² Тетрадь III: ГБЛ, ф. 93, I.1.5, с. 50—51 — 11, 106—107.

²³ Тетрадь II: ГБЛ, ф. 93, I.1.4, с. 59 — 9, 121—122.

Самая ранняя дата в тетради III, поставленная самим автором, — 23 мая 1870 г.²⁴ Следовательно, если отнести данный набросок к концу февраля 1870 г., то получается, что он был написан раньше, чем последняя, по количеству записей почти третья, часть тетради II, т. е. на три месяца раньше, чем остальные записи, содержащиеся в тетради III.²⁵ Для такого вывода, думается, необходима мотивировка, более основательная, чем мы находим в комментариях к академическому изданию.²⁶

Оговоримся, что нас интересует не датировка наброска как таковая, а определение места его в истории разработки автором образа Петра Верховенского. Поэтому, прежде чем перейти к вопросу о датировке, рассмотрим предварительно содержание текста, связь его с другими записями, касающимися будущего Петра Верховенского.

Первая половина наброска посвящена спорам Успенского и Милюкова (Виргинского и Липутина) о счастье. В представлении Успенского счастье — в достижении «золотого века»; по мнению Милюкова — в «реабилитации плоти». Нечаев же «слушает тупо» обоих. Для него «главное — уничтожить. Он вовсе не спорить приехал, а делать, а главное — согласиться всё истребить» (11, 106).

Здесь Нечаев выступает как «проповедник всеобщего разрушения». Прямым толчком для такой характеристики принято считать январскую статью Каткова в «Московских ведомостях» 1870 г., где упоминается о связи Нечаева с Бакуниным и последний назван «вождем русской революционной партии». Здесь же говорится о проповеди Бакуниным идее «всеуничтожительного духа» и «дику-разрушительного воодушевления».²⁷

²⁴ Тетрадь III: с. 134; 11, 138. В тетради III существует лист с датой 10 апреля (29 марта) 1870 г. (тетрадь III, с. 62—63; 11, 135—138). Но он вклеен А. Г. Достоевской не на свое место. Возможно, что это вообще лист из другой тетради. См. об этом: 12, 330; *Коншина*, с. 426.

²⁵ Следует обратить внимание на то, что непосредственно перед наброском «О Нечаеве» напечатаны «Вопросы и ответы», посвященные спору Грановского с Нечаевым по поводу учения о «всеобщем разрушении» (тетрадь II, с. 56—58; 11, 103—105), а сразу после него — ряд заметок с диалогами Грановского, Шатова, Княгини (Варвары Ставрогинной) и др. (тетрадь II, с. 61—64; 11, 107—113). В тетради Достоевского между названными набросками находится предварительно заполненные две страницы: одна — с плапом «Смерти поэта» (тетрадь II, с. 59; 9, 121—122), другая — с рисунками и каллиграфическими записями (тетрадь II, с. 60). Тем не менее, судя по содержанию и положению записей, а также по почерку и цвету чернил, названные наброски в тетради II (с. 56—58, 61—64) были сделаны, по нашему мнению, последовательно и непрерывно: нет достаточных оснований для того, чтобы предположить, что одновременно в тетради III был записан набросок «О Нечаеве». Заметки тетради II объединяются: 1) общей темой «спора разных социальных идей» и 2) общей формой «вопросов и ответов». В наброске «О Нечаеве» мы имеем первое; формы же вопросов и ответов мы здесь не видим.

²⁶ Е. Коншина в свое время писала, что тетрадь III «можно рассматривать как непосредственное продолжение тетради II» (*Коншина*, с. 426).

²⁷ Моск. ведомости, 1870, 6 января, № 4.

Характеристика героя как проповедника идей такого рода часто встречается в февральских записях 1870 г.²⁸ Из них самая близкая по выражениям к наброску «О Нечаеве» — заметка от конца февраля—начала марта 1870 г.: «А у тех, главное, вера в Золотой век. Нужна непреложная вера, чтоб решиться всё истреблять. А всё истреблять принято потому, что это самое легкое и нетрудное решение» (тетрадь II, с. 2; 11, 128). Здесь, как и в наброске «О Нечаеве», употребляется фраза «всё истреблять», а также говорится о «вере в Золотой век».

Однако если взять образ героя в целом, то сходная характеристика встречается и в более поздних записях 1870—1871 гг.²⁹ Например, в наброске весны—лета 1871 г. «О том, чего хотел Нечаев» мы читаем: «Принцип же Нечаева, *новое слово* его в том, чтоб возбудить наконец бунт, но чтоб был действительный, и чем более смуты и беспорядка, крови и провала, огня и разрушения преданий — тем лучше. „Мне нет дела, что потом выйдет: главное, чтоб существующее было потрясено, расшатано и лопнуло“ <...> Нечаев не социалист, но бунтовщик, в идеале его бунт и разрушение, а там „что бы ни было“...» (тетрадь III, с. 93; 11, 279).

Итак, образ Нечаева как «проповедника всеобщего разрушения» оставался неизменным вплоть до последнего этапа работы. Поэтому исходя только из этого, нельзя найти убедительное решение вопроса о датировке фрагмента. Необходимо обратиться к другим моментам.

Во второй половине наброска идет речь о времени подготавливаемого Нечаевым «восстания», «переворота». Это — неотъемлемая составная часть характеристики героя как «проповедника всеобщего разрушения»: «Шатов подхватил: „Да, в июне месяце“» (11, 107).

²⁸ См.: «Мысль Студента. Всё это не может быть, а стало быть, с корнем вон и надо другое»; «Студент» говорит: „И науки не нужно, я не очень учен, <...> я просто с корнем вон“; «Студент» говорит: „... Я знаю, что смуту теперь можно сделать в народе, и всё тут“; «А может быть, и так, — говорит он, — это всё равно, не в этом дело, а в том, что смуту теперь можно сделать, я и хочу сделать»; «Я делаю дело, потому что надо делать. С этого (с разрушения), естественно, всякое дело должно начаться; я это знаю, а потому и начинаю <...> Нужно всё разрушить, чтоб поставить новое здание...»; «Вообще мнения и учения Студента были такие — (два миллиона голов и проч.)»; «Студент говорит про Россию: „Нет, здесь много можно сделать! <...> Во-1-х, везде социализм, а во-2-х, нигде так нельзя разрушать, как в России“» (11, 69, 75, 77—78, 93, 116).

²⁹ См.: «Нечаев: „К тому же нам нужно только разрушить; к разрушению же всё пригодится, всяк материал“» (11, 149: конец мая 1870 г.); «Нечаев Князю у наших: „... Разрушение, что и требовалось“» (11, 166: середина июня 1870 г.); «Главная идея Нечаева — не оставить камня на камне и что это правее и нужнее всего» (11, 209: 16 августа 1870 г.); «Нечаев кончает: „... Верно только одно: переустройство общества и природы его радикально. А потому разрушение. А это моя специальность“» (11, 271: 13 мая 1871 г.); «Нечаев поправляет — разрушение для разрушения, а там что угодно» (11, 273: 13 мая 1871 г.).

В записных тетрадях мы встречаем и другие вариации этой же темы. Например: «Милюков, прислушавшись к некоторым словам Нечаева, спрашивает его: „Когда же, вы думаете, произойдет переворот?“ Нечаев отвечает решительно: „К весне. По некоторым данным я заключаю, что начнут в феврале. К маю, разумеется, всё будет кончено“» (11, 146: конец мая 1870 г.).

Как следует из обвинительного акта процесса над нечаевцами, Нечаев указал на 19 февраля 1870 г. как на наиболее вероятную дату народного восстания в России.³⁰ В приведенной заметке содержится та же дата.

Однако в более поздних записях встречается другая дата.

«Нечаев во всем уверен заранее. Только бы жечь. В июне — все тагать сапоги» (11, 174: 23 июня 1870 г.).

«Нечаев же приезжает, главное, с тем, чтоб приготовить местность к волнению и июньскому восстанию» (11, 213: 19 августа 1870 г.).

В окончательной же редакции романа на вопрос Кармазинова, «когда это (восстание. — А. А.) могло бы произойти?», Петр Степанович отвечает: «К началу будущего мая начнется, а к Покрову всё кончится» (10, 288—289).

Достоевский, вероятно, получил сведения об указанной Нечаевым дате из иностранных газет. Мы не знаем причины изменения даты нечаевского «восстания» и «переворота» в ходе работы над романом. Как бы то ни было, самая близкая в этом отношении к наброску «О Нечаеве» — заметка от 23 июня 1870 г.: в обеих записях герой указывает на «июнь» как на срок завершения «переворота». Подобные совпадения служат, с нашей точки зрения, доводом в пользу отнесения наброска «О Нечаеве» не к февралю, а к июню 1870 г.

Обратим внимание и на другое обстоятельство: в наброске «О Нечаеве» герой появляется не только как «проповедник всеобщего разрушения», но и как «нигилист». Во второй половине наброска мы читаем: «Разница Нечаева и их всех (заговорщиков. — А. А.). Никто из них не сказал бы ни о восьми гривнах нищим, ни о Федьке в солдаты таким тоном, как он, а он говорит, и кончается тем, что все убеждаются, что так и надо говорить, и все каются, что до сих пор не говорили» (11, 107).

Здесь речь идет об иронических нападках Верховенского-Нечаева на Грановского. Он упрекает отца в том, что тот выступает в защиту красоты и благотворительности, а всю свою жизнь подал нищим всего только восемь гривен и, мало того, отдал своего дворового Федьку в солдаты за свой карточный долг. Подобная язвительность Верховенского-Нечаева превосходит, по мнению автора, обычную меру ироничности, свойственную рядовым «нигилистам».

³⁰ В русских газетах это сообщали 14 июля 1871 г. См.: Правительств. вестн., 1871, 2 июля, № 156.

Мы уже отмечали выше, что образ Нечаева-«нигилиста» характерен для ранних планов романа. В августовских планах образ Верховенского-«Базарова» сменила фигура шутовского обманщика-самозванца, «Хлестакова».

В окончательной редакции споры Петра Верховенского с отцом происходят за сценой и находят отражение только в рассказе о них Степана Трофимовича (10, 170—171). С нападками же на Грановского теперь выступают другие персонажи. О «восьми гривнах» говорит Варвара Ставрогина (10, 264). Что касается обвинения в продаже Федьки, то оно возникает в сцене «праздника» (10, 373).

Итак, на основании вышесказанного можно предположить, что интересующий нас набросок все же относится к сравнительно ранней стадии работы, впрочем, необходимо добавить, что для такого предположения основание дает лишь сопоставление его с окончательной редакцией романа, а также с августовскими планами 1870 г. Вполне допустимо сохранить для наброска более широкую датировку между февралем и августом 1870 г. Тем более, что мы находим несколько аналогичных сюжетных поворотов и в майских, а также и в июньских записях.³¹

Обратим внимание на то, что все приведенные заметки относятся к концу мая—июню 1870 г. Этот факт и служит, с нашей точки зрения, основанием для того, чтобы отнести набросок «О Нечаеве» к июню 1870 г.³²

Далее: в нашем наброске мы находим упоминание о «глуности» Нечаева. Он заканчивается следующей записью: «Главное: Тупость Нечаева возмутительна, тупость практического человека» (11, 107).

Фраза эта передает шатовскую оценку Нечаева, убежденного в скором наступлении «переворота». Она близка к февральской

³¹ Ср.: «Нечаев: „Да ты много ли роздал-то во всю свою жизнь? Григень восемь, ведь не больше, припомни-ка! Вспомни, когда ты подал последнюю милостыню? Ведь года два назад, а может, и четыре будет?..“»; «Грановский» за личную инициативу в благотворительности и роздал копеек, может быть, восемьдесят, но уж не более»; «Милостыню принимает».

— Ты много роздал 80 коп. (Тирада красивая, сильная.)

— Припомни по совести, когда ты последний раз подавал нищему и много ли, правду скажи.

— Ты остер и поймал меня. Я, может, 10 лет назад подал в последний раз и каюсь»; «Оправдывается про Федьку и проч. (Речь идет о Грановском. — А. А.)» (11, 160, 161, 162, 172: записи середины июня 1870 г.). Сверх приведенных, на полях страницы, заполненной в конце мая 1870 г., мы читаем еще следующую запись: «„Вы писали о бедных, а между тем восемь гривен“ (слова Нечаева)» (тетрадь III, с. 138; 11, 143). Но она относится к позднему времени, чем остальные записи.

³² В разделе «Вообще словечки» имеется еще одна заметка о «Федьке»: «На литературном чтении <...> Нечаев говорит отцу: „Ты, однако ж, Федьку проиграл в карты. Как же не среда? Если б не ты, не был бы он убийцей и каторжником“» (тетрадь III, с. 16; 11, 287). Подобные разделы заполнялись в разное время и слагались в течение длительного времени, поэтому трудно датировать отдельные записи в них (см.: 12, 329).

заметке, где говорит о том, что Шатов презирает деловитость Нечаева (11, 98).

Но для нас важно другое: в нашем наброске немалое место уделяется сочетанию «глупости» и «деловитости» в характере героя. И при этом в ней — иной тон, чем в шатовской критике. На второй странице наброска «О Нечаеве» описывается облик «глупца-деятеля», наблюдаемый глазами заговорщиков: Нечаев не любит спорить. В спорах он «слушает тупо — требует иногда разъяснений самых пустых». Все время он проповедует одно и то же: «устроить истребление». Заговорщики иногда думают, что «он ничтожен и глуп». Но видя, что он быстро достигает успеха и в обществе и в заговоре, «они всё более и более убеждаются, что это деятель, которому нечего спорить, как они, и некогда», и «начинают опять смотреть на него с почтением» (11, 106—107).

У заговорщиков, естественно, существует другая точка зрения на Нечаева, чем у Шатова. С их точки зрения, Нечаев — незаурядный деятель, незаурядный заговорщик. Поэтому набросок «О Нечаеве» — важный подход автора к образу Петра Верховенского.³³ Самая близкая к наброску «О Нечаеве», на наш взгляд, из других записей — сентябрьская того же года, в которой особо отмечается сила Нечаева как «человека действия».³⁴

В наброске «О Нечаеве» герой также сравнивается с Петрашевским. Среди подготовительных материалов к «Бесам» это единственные, где упоминается последний, «Нечаев — отчасти Петрашевский», «Придерживаться более типа Петрашевского» (11, 106, 107).

В связи с этим стоит обратить внимание на «Объяснение» Достоевского Следственной комиссии по делу петрашевцев. В нем много говорится о Петрашевском: «человек он вечно суетящийся и движущийся, вечно чем-нибудь занят», «уважает систему Фурье» и «именно Фурье и мешает ему смотреть собственным взглядом на вещи». Достоевский, наконец, не раз касается «эксцентричностей и странностей» Петрашевского (18, 118—119).

«Объяснение» было написано во время заключения писателя в Петропавловской крепости. «Бесы» же создавались более двадцати лет спустя. Но несмотря на это, Петрашевский «Объяснения» напоминает Нечаева, каким он предстает перед нами в подготовительных материалах к роману: оба они отличаются «односторонностью» в проявлении «ума». Оба «фанатичные

³³ В понимании образа Петра Верховенского в романе мы близки к Р. Назирову, который пишет: «Именно эстетизацию насилия изобразил Достоевский в Петре Верховенском»; тот «рассматривает политическую деятельность не как некое средство для достижения человеческих идей, а как самоцель, как „искусство для искусства“» (Назиров, с. 245, 247).

³⁴ Тетрадь III, с. 53; 11, 237. Эта страница располагается в тетради рядом с наброском «О Нечаеве» (тетрадь III, с. 50—51). Данные страницы (с. 50—53) объясняются общей темой «Нечаева», хотя считаются разновременными (Коншина, с. 437).

последователи» какой-то «странной теории» (либо системы Фурье, либо учения о «всеобщем разрушении»), из-за которой они «не видят русской действительности». И оба они в той или иной мере выдающиеся «деятели», стремящиеся к достижению своих «непонятных целей».³⁵

Кроме названных выше, мы находим в «Объяснении» упоминание еще об одной характерной черте Петрашевского, которая имеет связь с образом Нечаева. Речь идет о «чужаестве».

«Действительно, очень трудно было бы объяснить многие из его странностей. Нередко при встрече с ним на улице спросишь: куда он и зачем? — и он ответит какую-нибудь такую странность, расскажет такой странный план, который он только что шел исполнить, что не знаешь, что подумать о плане и о самом Петрашевском» (18, 118).

Такая характеристика напоминает образ «Нечаева-Хлестакова» в августовских планах. Мы можем даже предположить, что запомнившиеся писателю странности и хлопотливость Петрашевского содействовали развитию образа будущего Петра Верховенского в направлении от хлопотуна-«дурака» к «шуту-самозванцу» в духе Хлестакова.

Прежде чем перейти к заключению, обратимся к аргументам Н. Ф. Будановой в пользу ее датировки.

В преамбуле к подготовительным материалам она пишет: «В трудно поддающемся датировке наброске „О Нечаеве“ есть следующая ссылка: „Флёрковский, Золотой век, „Заря“, январь“. Речь идет здесь об опубликованной в январском номере „Зари“ за 1870 г. рецензии Д. Анфювского „Скорое наступление золотого века“ на книгу Н. Флеровского „Положение рабочего класса в России“. Очевидно, набросок „О Нечаеве“ можно отнести к февралю как к наиболее раннему из возможных сроков, так как русские периодические издания доходили за границу с опозданием» (12, 328).

Февраль в самом деле «наиболее ранний из возможных сроков». По объявлению в газетах названный номер журнала вышел из печати 4 февраля (23 января).³⁶ Достоевский говорит о нем в письме к Майкову от 24 (12) февраля 1870 г. (П., II, 252). Кроме того, первое упоминание в записных тетрадах об этом номере появляется до 16 февраля.³⁷ Из всех этих данных

³⁵ Ссылаясь на приведенные записи в тетради Достоевского, В. Туниманов пишет: «Известно, что к Петрашевскому Достоевский относился хотя и без особых симпатий, но безусловно уважал его „как человека честного и благородного“. По всей вероятности, он имел в виду не „широкое“, а частное сходство, некоторые черты характера Петрашевского, особенно энергию и энтузиазм, в психологическом смысле роднившие его с Нечаевым. От Петрашевского к Верховенскому перейдут хлопотливость, суеверность, неуверенность, запомнившиеся Достоевскому» (12, 218—219).

³⁶ С.-Петербург. ведомости, 1870, 25 января, № 25.

³⁷ Тетрадь II, с. 41; 11, 86. Находясь за границей, автор ставит дату в записной тетради в основном по новому стилю.

следует, что писатель читал указанную рецензию в середине февраля.

Однако факт этот не исключает возможности того, что запись была сделана позже. Можно, конечно, сомневаться, помнил ли романист названную рецензию летом 1870 г. Но обратим внимание, во-первых, на то, что, как мы уже говорили, указанная запись является не первым, а повторным упоминанием о книге Флеровского и о январском номере «Зари» 1870 г. (см.: 11, 86). Во-вторых, в заметке от конца февраля—начала марта мы еще раз находим упоминание о «вере в Золотой век» (11, 128). Известно, что «мечта о достижении Золотого века», приписанная Успенскому в наброске «О Нечаеве», является одним из самых любимых мотивов Достоевского.³⁸ Не исключена возможность, что писатель надолго запомнил данную рецензию и сослался на прежнюю запись в своей тетради, когда вновь приступил к ее разработке.

Комментатор продолжает: «... предположение подкрепляется тем, что в тексте сообщники Нечаева названы Милюковым и Успенским, что характерно для февральских набросков романа. Упоминание Петрашевского как прототипа героя также говорит о ранней редакции набросков. Встречающаяся в тексте заметка с именем Виргинского, как об этом свидетельствует почерк и цвет чернил, является более поздней припиской и таким образом не опровергает указанного предположения» (12, 328).

Действительно: фамилии «Успенский» и «Милюков» часто встречаются в февральских и мартовских записях 1870 г.³⁹ В летних и более поздних записях герои эти называются уже Виргинским и Липутиным.⁴⁰ Тем не менее мы находим немало упоминаний об Успенском и о Милюкове в майских и июньских записях.⁴¹ Да и в более поздних записях несколько раз появляется имя Милюкова.⁴² Итак, если мы допустим некоторое количество исключений, то можем сказать, что хронологический рубеж, до которого сообщники называются Успенским и Милюковым, а не Виргинским и Липутиным, — вторая половина июня 1870 г. Итак, у нас есть все основания отнести набросок «О Нечаеве» к июню.

³⁸ Вспомним «исповедь» Версилова в «Подростке» (13, 375), «Золотой век в кармане» в «Дневнике писателя» за 1876 г. (22, 12—13) и рассказ «Сон смешного человека» (25, 112—115). Концепция «золотого века» восходит не только к идеалам утопического социализма (см.: 12, 187), но и к речи Дон-Кихота о Золотом веке (см.: Багно В. Е. «Дон-Кихот» Сервантеса и русская реалистическая проза. — В кн.: Эпоха реализма. Л., 1982, с. 51).

³⁹ Об Успенском см.: 11, 69, 75, 77, 79, 85, 91, 96—102, 107, 119, 121, 124—127, 131; о Милюкове см.: 11, 90, 97, 131.

⁴⁰ О Виргинском см.: 11, 164, 197—199, 203, 213 и др.; о Липутине: 11, 163—164, 175, 197—199, 202—203, 210, 212—213 и др.

⁴¹ Об Успенском см.: 11, 149, 151, 164, 166; о Милюкове: 11, 138—141, 143, 146—147, 149, 151, 165.

⁴² 11, 214, 235, 272.

На основании всего вышесказанного мы предлагаем отнести набросок «О Нечаеве» к июню 1870 г. (хотя, строго говоря, датировка наброска остается все же спорной и не проясненной до конца). Характеристика героя в нем отчасти близка к весенним и летним записям того же года, но большинство пунктов, рассмотренных выше, указывает на лето (в частности, на июнь) 1870 г. как на наиболее вероятную дату, к которой его можно хронологически приурочить.

Мы предложили бы гипотетически поместить набросок сразу после с. 24 тетради III (11, 173: середина июня 1870 г.). В данном случае учитывается и то, что после 23 июня автор занимается в основном разработкой образа Князя и до августа оставляет на время Нечаева в стороне.

Подтверждение нашего предположения о датировке открыло бы перед нами возможность более отчетливо обрисовать ход развития образа будущего Петра Верховенского от «Нечаева-Базарова» к «Нечаеву-Хлестакову», о чем мы говорили выше. Вместе с тем оно, если его принять, помогло бы исследователям выяснить, как развивались авторские взгляды на «новейших радикалов» в процессе написания романа. Все это остается задачей нашего будущего изучения.⁴³

Л. И. САРАСКИНА

О ДАТИРОВКЕ ОДНОГО ЭПИЗОДА ИЗ РОМАНА «БЕСЫ»

«Однажды, еще при первых слухах об освобождении крестьян, когда вся Россия вдруг взликовала и готовилась вся возродиться, посетил Варвару Петровну один проезжий петербургский барон, человек с самыми высокими связями и стоявший весьма близко у дела» (10, 16).

Посещение Варвары Петровны Ставрогиной петербургским бароном из высшего света не самое, разумеется, главное или памятное событие романа «Бесы»; тем не менее и оно занимает определенное место в общей хронологии этого произведения.

В комментариях к процитированному отрывку в т. 10 Полного собрания сочинений Достоевского говорится: «Стр. 16. ... *при первых слухах об освобождении крестьян* ... — Слухи о намерении правительства освободить крестьян не раз возникали в обществе начала 1840-х годов» (12, 280). Исходя из этого, следует, видимо, предположить, что Варвара Петровна Ставрогина

⁴³ Предлагаемое сообщение — итог моей стажировки в Советском Союзе в 1983—1984 гг. на основе соглашения об обмене деятелями науки между Японией и СССР. Приношу самую глубокую признательность докторам филол. наук Г. М. Фридлендеру и У. А. Гуральнику, а также всем коллегам, оказавшим неоценимую помощь в моей работе, в частности Н. Ф. Будановой.